

ШУМЕРЫ

Самюэль Крамер

Первая цивилизация
на Земле

Самюэль Крамер

**Шумеры. Первая
цивилизация на Земле**

«Центрполиграф»

Крамер С.

Шумеры. Первая цивилизация на Земле / С. Крамер —
«Центрполиграф»,

В книге представлено полное содержание всех расшифрованных глиняных табличек, повествующих о богах, героях и царях таинственного народа «черноголовых», шумеров, который положил начало мифологии, экономике, астрономии, математике, медицине и кому принадлежит трагический эпос первого героя человечества – Гильгамеша; проводятся параллели с Библией, античными мифами, историей Ассирии и Вавилона.

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	9
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Самюэль Крамер

Шумеры

Первая цивилизация на Земле

Посвящается Университету штата Пенсильвания и музею при этом университете

Предисловие

В 1956 г. вышла моя книга «Из шумерских табличек», с тех пор она переиздавалась с некоторыми исправлениями и была переведена на многие языки под названием «История начинается с Шумера». Она включала в себя более двадцати самостоятельных очерков, объединенных единой темой – «первые» в летописной истории и культуре. В этой книге ничего не говорилось ни о политической истории шумерского народа, ни о природе их социальных и экономических учреждений; читатель не получал также представления о тех способах и методах, с помощью которых был обнаружен и «воссоздан» язык шумеров. Именно с целью восполнить эти пробелы и была задумана и написана эта книга.

1-я глава носит вводный характер; это краткий очерк об археологических и научных усилиях, приведших к расшифровке клинописного письма, причем особое внимание уделено шумерам и их языку, и сделано это таким образом, что, надеюсь, интересующийся данной проблемой дилетант сможет увлеченно и с пониманием следовать теме.

Во 2-й главе говорится об истории Шумера от доисторических времен 5-го тысячелетия до начала 2-го тысячелетия до н. э., когда шумеры перестали существовать как политически целостная формация. Насколько мне известно, это наиболее полное и подробное представление о политической истории, доступное нам сегодня. Из-за отрывочного, неуловимого, а подчас и недостоверного характера источников немало положений в этой главе основаны на предположениях и домыслах и потому могут отражать правду лишь частично, а то и полностью оказаться неверными. Чтобы помочь читателю составить собственное мнение и прийти к самостоятельным выводам, в начале главы перечислены и охарактеризованы различные виды источников, которыми располагают ученые, и указаны их дефекты, недостатки и связанные с этим трудности.

В 3-й главе речь пойдет о социальном, экономическом, правовом и технологическом аспектах шумерской городской жизни. Своей откровенной очерковостью она обязана относительной дороговизне и невнятности соответствующих источников и едва ли вообще была бы написана, если бы не последний научный вклад Дьяконова, Фалькенштейна и Сивила – трех ученых, так много сделавших для освещения тех или иных аспектов в данной области исследования.

Главы 4-я и 5-я повествуют о шумерской религии и литературе – двух разделах шумерской культуры, которой я посвятил почти всю свою научную карьеру. Поскольку сюда вошло многое из того, что содержится в моих предыдущих публикациях, то эти главы дают более полный и тщательный обзор имеющихся материалов, нежели представлялся возможным ранее, не говоря уже о многочисленных дополнениях и поправках в прежние переводы.

Главы 6-я и 7-я, посвященные шумерскому образованию и характеру, – мои «фавориты», если автору может быть позволено иметь фаворитов. Это те два аспекта шумерской культуры, о которых до недавнего времени не было известно практически ничего, но которые теперь можно обрисовать и рассмотреть достаточно подробно, чему свидетельством эти две главы. В главе, посвященной образованию, приведены, к примеру, четыре шумерских эссе на темы школьной жизни, о которых всего лишь пятнадцать лет назад никто ничего не знал. В 7-й главе намечен сравнительно новый подход к востоковедческому знанию: это попытка вычленить, проанализировать и понять внутренние мотивы и побуждения, которые способствовали созданию – и гибели – шумерской цивилизации.

8-я глава представляет то, что можно назвать «наследием» Шумера, оставленным им миру и его культуре. Она начинается с разговора о культурном взаимообмене шумеров и других народов Древнего Ближнего Востока. Затем следует итоговый обзор некоторых граней современной жизни, которые наиболее очевидно уходят корнями в Шумер. И в завершение

приводится целый ряд теологических, этических и литературных идей шумеров, имеющих аналогии в Библии – книге, сыгравшей исключительную роль в формировании западной культуры; эти параллели указывают на гораздо более глубокую связь древних евреев с шумерами, чем это предполагалось.

Наконец, есть приложения, подготовленные специально для тех читателей, которые по возможности предпочитают обращаться к оригинальным источникам. В них включены переводы целого ряда наиболее значительных документов, использованных в главе по истории, а также ряд источников по самым разным вопросам, представляющих особый интерес для книги о Шумере и шумерах.

Работа посвящается Пенсильванскому университету и университетскому музею. Это может показаться довольно необычным и ортодоксальным, но факт то, что, если бы не эти учреждения, эта книга никогда не была бы написана. Помимо того что руководство университета и факультета всячески способствовало моим исследованиям, несмотря на их довольно отдаленный и эзотерический характер, музей университета и его вавилонская коллекция обеспечили меня многими подлинными материалами, которые легли в основу этой книги. И потому посвящение книги этим двум учреждениям – знак моей глубокой и сердечной признательности всем, кто связан с ними и кто тем или иным образом способствовал мне и моим шумерологическим изысканиям на протяжении нескольких лет.

Мне также хотелось бы выразить свою благодарность Департаменту древностей Республики Турция и директору Археологического музея Стамбула за великодушное содействие в вопросах пользования шумерскими литературными табличками из коллекции Стамбульского музея Древнего Востока. Выражаю свою особую благодарность двум хранителям музейного собрания табличек за их неустанное и безвозмездное содействие, столь плодотворное для шумерологических исследований. Я глубоко обязан Директорату (Управлению) древностей Республики Ирак за их великодушное содействие по многочисленным поводам. Огромную и особую благодарность я испытываю к Йенскому университету Фридриха Шиллера, благодаря которому для меня стало возможным изучить шумерские литературные таблички Хилпрехта совместно с ее ассистентом-хранителем Инес Бернхардт. Сирила Дж. Гэдда, ранее сотрудника Британского музея, ныне почетного профессора Школы ориенталистики и афроведения, я хочу поблагодарить за великодушно предоставленные в мое распоряжение копии шумерских литературных документов из Ура, которым он посвятил столько времени и труда. Наконец, приношу благодарность Академии наук СССР и Музею имени Пушкина за предоставленную возможность изучения и публикации таблички с двумя шумерскими элегиями.

Американскому Совету ученых собраний выражаю сердечную благодарность за мою первую стипендию, сделавшую возможной мою поездку в Ирак в 1929–1930 гг. Хочу подчеркнуть, как делал неоднократно в предыдущих работах, что особенно многим я обязан Мемориальному обществу Дж. С. Гугенхейма и Американскому философскому обществу; они были настоящими «друзьями в беде» в жизненно важный период становления моей научной карьеры. И сейчас представляется удобный случай упомянуть о моем долге перед Вильямом Фоксвеллом Олбрайтом, который, хотя мы с ним никогда не встречались, тепло отзывался о моих исследованиях, еще на их ранней стадии, в Американском философском обществе. За последние годы Общество Боллингена щедро присудило мне ряд стипендий, давших мне возможность заручиться, по крайней мере, минимально необходимой научной и административной поддержкой. В этом отношении кое-какую помощь оказало и Общество Барта: оно предоставило мне грант, позволивший мне какое-то время работать в собрании Хилпрехта университета Ф. Шиллера.

Позвольте завершить это вступление выражением благодарности своему бывшему ассистенту Эдмунду Гордону, чьи блистательные исследования в области шумерской поучительной литературы я получил еще до того, как они поступили в печать, и во время их публи-

кации; я признателен также моему ассистенту Мигелю Сивилу, предоставившему мне свои исследования по шумерской лексикографии, медицине и технологии. Джейн Хеймердингер, младший научный сотрудник музея при университете, подготовила Index и помогла во многих отношениях с подготовкой рукописи и ее размещением. И особую благодарность я приношу Гертруде Сильвер, проворной и сведущей машинистке, живой иллюстрации шумерской пословицы: «Писец, чья рука поспевает за ртом, – это писец для тебя».

Глава 1

Археология и расшифровка

Шумер, земля, которую в эпоху классики называли Вавилонией, занимала южную часть Месопотамии и географически примерно совпадала с современным Ираком, простираясь от Багдада на севере до Персидского залива на юге. Территория Шумера занимала около 10 тыс. квадратных миль, немного больше штата Массачусетс. Климат здесь чрезвычайно жаркий и сухой, и почвы по природе выжженные, выветренные и неплодородные. Это речная равнина, и потому она лишена минералов и бедна камнем. Болота поросли мощным тростником, но леса, а соответственно, древесины здесь не было. Вот какова была эта земля, «от которой отрекся Господь» (неугодная Богу), безнадежная и, казалось бы, обреченная на бедность и запустение. Но народ, населявший ее и известный к 3-му тысячелетию до н. э. как *шумеры*, был наделен незаурядным творческим интеллектом и предприимчивым решительным духом. Вопреки природным недостаткам земель, они превратили Шумер в настоящий райский сад и создали то, что было, вероятно, первой развитой цивилизацией в истории человечества.

Шумеры обладали особым техническим изобретательским талантом. Уже древнейшие поселенцы пришли к идее орошения, что дало им возможность собирать и направлять по каналам богатые илом воды Тигра и Евфрата, чтобы орошать и оплодотворять поля и сады. Восполняя отсутствие минералов и камня, они научились обжигать речную глину, запас которой был практически неисчерпаем, и превращать ее в горшки, блюда и кувшины. Вместо древесины они использовали нарезанный и высушенный гигантских размеров болотный тростник, росший здесь в изобилии, вязали его в снопы или плели циновки, а также, применяя глину, строили хижины и загоны для скота. Позже шумеры изобрели изложницу для формовки и обжига кирпича из неисчерпаемой речной глины, и проблема строительного материала была решена. Здесь появились такие полезные орудия, ремесла и технические средства, как гончарный круг, колесо, плуг, парусное судно, арка, свод, купол, медное и бронзовое литье, шитье иглой, клепка и пайка, скульптура из камня, гравирование и инкрустация. Шумеры изобрели систему письма на глине, которая была заимствована и использовалась на всем Ближнем Востоке на протяжении почти двух тысяч лет. Практически все сведения о ранней истории Западной Азии почерпнуты нами из тысяч глиняных документов, покрытых созданной шумерами клинописью, которые были найдены археологами за прошедшие сто двадцать пять лет.

Шумер замечателен не только высокой материальной культурой и техническими достижениями, но также идеями, идеалами и ценностями. Зоркие и разумные, они имели практический взгляд на жизнь и в рамках своего интеллектуального развития никогда не путали факт с вымыслом, желание с воплощением и тайну с мистификацией. Шумерские мудрецы разрабатывали веру и кредо, в известном смысле оставлявшие «богу богово», а также признали и приняли неизбежность ограничений бытия смертных, особенно их беспомощность перед лицом смерти и Божьим гневом. Что касается воззрений на материальное бытие, они высоко ценили достаток и собственность, богатый урожай, полные житницы, овины и конюшни, удачную охоту на суше и хорошую рыбную ловлю в море. Духовно и психологически они делали упор на честолюбие и успех, превосходство и престиж, почет и признание. Житель Шумера глубоко осознавал свои личные права и противился всякому покушению на них, будь то сам царь, кто-либо старший по положению или равный. Неудивительно поэтому, что шумеры первыми установили закон и составили своды, чтобы четко отмежевать «черное от белого» и таким образом избежать непонимания, неверного толкования и двусмысленности.

При всем уважении шумеров к личности и ее достижениям сильнейший дух сотрудничества как между отдельными индивидами, так и между общинами стимулировал некий

довлеющий фактор – полная зависимость благополучия Шумера, да и просто его существования, от орошения. Ирригация – сложный процесс, требующий совместных усилий и организации. Каналы приходилось рыть и постоянно ремонтировать, а воду – соразмерно распределять на всех потребителей. Для этого необходима была власть, превосходящая желания отдельного землевладельца и даже целой общины. Это способствовало становлению управленческих институтов и развитию шумерской государственности. Поскольку Шумер в силу плодородия орошаемых почв производил значительно больше зерна, испытывая при этом острый дефицит в металлах, камне и строительном лесе, государство было вынуждено добывать необходимые для экономики материалы либо торговлей, либо военным путем. Поэтому есть все основания полагать, что к 3-му тысячелетию до н. э. шумерская культура и цивилизация проникли, хотя бы в некоторой степени, на восток до Индии, на запад до Средиземноморья, на юг до Эфиопии, на север до Каспия.

Конечно, все это происходило пять тысяч лет назад и может показаться имеющим мало отношения к изучению современного человека и культуры. На самом деле земля Шумера была свидетелем рождения не одной важной черты современной цивилизации. Будь то философ или учитель, историк или поэт, правовед или реформатор, государственный деятель или политик, архитектор или скульптор – каждый наш современник, скорее всего, найдет свой прототип и коллегу в древнем Шумере. Конечно, шумерское происхождение современных реалий сегодня уже невозможно проследить однозначно или с уверенностью: пути взаимопроникновения культур многогранны, запутанны и сложны, и магия соприкосновения с прошлым деликатна и летуча. И все же она очевидна в Законе Моисея и Соломоновых притчах, в слезах Иова и плаче Иерусалима, в грустной истории об умирающем человеке-боге, в космогонии Гесиода и индуистских мифах, в баснях Эзопа и теореме Евклида, в знаке зодиака и геральдическом символе, в весе мины, градусе угла, начертании цифры. Именно истории, социальному устройству, религиозным идеям, практике обучения, литературному творчеству и ценностной мотивации цивилизации древнего Шумера и будут посвящены очерки на следующих страницах. Но сначала небольшое вступление, посвященное археологической реконструкции культуры Шумера и расшифровке его письменности и языка.

Замечательно, что менее века назад ничего не знали не только о шумерской культуре, не подозревали даже о самом существовании шумерского народа и языка. Ученые и археологи, начавшие раскопки в Месопотамии около сотни лет назад, искали вовсе не шумеров, а ассирийцев; об этом народе имелись достаточные, хотя и весьма неточные сведения из греческих и еврейских источников. О шумерах же, их землях, людях и языке, как полагали, ни слова не говорилось во всей доступной библейской, классической и постклассической литературе. Само название – Шумер – оставалось стертым в сознании и памяти человечества на протяжении двух с лишним тысячелетий. Открытие шумеров и их языка было совершенно непредвиденным и неожиданным, и это, казалось бы, незначительное обстоятельство повлекло за собой противоречия, сильно осложнившие и замедлившие дальнейшее развитие шумерологии.

Расшифровка шумерского языка стала возможной через расшифровку семито-аккадского языка, ранее известного как ассирийский или вавилонский, который, как и шумерский, использовал клинопись. Ключ к аккадскому языку был, в свою очередь, найден в древнеперсидском, индоевропейском языке персов и мидян, правивших Ираном на протяжении значительной части 1 – го тысячелетия до н. э. Некоторые представители правящей династии Ахеменидов, по имени ее основателя Ахемена, жившего около 700 г. до н. э., считали политически необходимым вести записи на трех языках: персидском – своем родном языке, эламском – агглютинативном языке завоеванных и покоренных ими жителей Западного Ирана – и аккадском – семитском языке вавилонян и ассирийцев. Эта группа трехязычных клинописных документов, по содержанию сходных с надписями на египетском Розеттском камне, была найдена в Иране, а не в Ираке, хотя клинопись родилась именно там. Это подводит нас непосред-

ственно к истории исследований и раскопок, позволивших расшифровать клинопись и воссоздать цивилизации Месопотамии. Мы поведаем о них вкратце (за последние десятилетия эта тема многократно и детально обсуждалась), чтобы дать читателю возможность составить цельное представление о сем предмете, а также отдать должное давно ушедшим из жизни исследователям, археологам и кабинетным ученым, каждый из которых, сам того не подозревая, посвоему содействовал выходу книги о шумерах.

Воссоздание культуры ассирийского, вавилонского и шумерского народов, погребенных под заброшенными курганами, или теллями, – высочайшее и потрясающее достижение науки и гуманизма XIX в. Конечно, и в предыдущие столетия появлялись отдельные сообщения о развалинах древней Месопотамии. Так, уже в XII в. раввин из Туделы (королевство Наварра) по имени Бенджамин, сын Ионы, побывал у евреев Мосула и безошибочно определил, что руины близ этого города – остатки древней Ниневии, однако о его догадке стало широко известно только в XVI в. Между тем останки Вавилона были опознаны лишь в 1616 г., когда итальянец Пьетро делла Балле посетил холмы близ современной Хиллы. Этот зоркий путешественник не только великолепно описал руины Вавилона, но и привез в Европу глиняные, испещренные письменами кирпичи, найденные им у холма, который современные арабы называют Телль-Мукаяр, «холм с ямой», скрывающий руины древнего Ура. Так первые образцы клинописи попали в Европу.

Остаток XVII и почти весь XVIII в. многочисленные путешественники с разными точками зрения относительно местоположения и развалин побывали в Месопотамии, и каждый пытался вписать увиденное в библейский контекст. Между 1761-м и 1767 гг. состоялась наиболее значительная экспедиция, когда Карстен Нибур, датский математик, не только скопировал в Персеполе письма, сделавшие возможной расшифровку клинописи, но и впервые дал современникам конкретное представление о руинах Ниневии в набросках и зарисовках. Несколько лет спустя французский ботаник А. Мишо продал в Национальную библиотеку в Париже пограничный камень, найденный близ Ктесифона к югу от Багдада – первый по-настоящему ценный подлинник письма, попавший в Европу. Эта простая надпись, на самом деле содержавшая предупреждение нарушителям границ, получила несколько нелепых переводов. Вот один из них: «Небесное войско прольет на нас уксус, чтобы щедро снабдить средством к исцелению».

Примерно в это же время Аббе Бошам, генерал-наместник Багдада и член-корреспондент Академии наук, вел тщательные и точные наблюдения того, что видел вокруг себя, особенно на руинах Вавилона. Наняв нескольких местных рабочих под началом мастера-каменщика, он фактически осуществил первые археологические раскопки в Месопотамии ради скульптуры, ныне известной как «Вавилонский лев» и до сих пор выставленной там на обозрение современным туристам. Он первым описал Ворота Иштар, изумительный фрагмент которых сегодня можно увидеть в разделе Ближнего Востока Берлинского музея; он также упоминает о находке цилиндров из твердых материалов с надписями, похожими, по его мнению, на письма из Персеполя. Мемуары о его путешествиях, опубликованные в 1790 г., были практически мгновенно переведены на английский и немецкий языки и стали сенсацией в ученом мире.

Искра, брошенная Аббе Бошамом, имела свои последствия: Ост-Индская компания в Лондоне снарядила своих агентов в Багдад, чтобы провести археологическую разведку и выявить перспективы. И вот в 1811 г. Клаудиус Джеймс Рич, представитель Ост-Индской компании в Багдаде, занялся исследованием и составлением карты руин в Вавилоне и даже провел в некоторых местах пробные раскопки. Спустя девять лет Рич появился в Мосуле, где сделал зарисовки и провел исследования огромных холмов древней Ниневии. Он собрал множество табличек, кирпичей, пограничных камней и цилиндров с надписями; среди них были и знаменитые цилиндры Навуходоносора и Синнаххериба, надписи с которых тщательно скопировал

его секретарь Карл Беллино и отправил эпиграфисту Гротефенду для расшифровки. Коллекция Рича составила ядро обширного собрания месопотамских древностей Британского музея.

Рич умер в возрасте тридцати четырех лет, но две книги его мемуаров о руинах Вавилона с иллюстративным материалом и образцами надписей остались и, можно сказать, ознаменовали рождение ассириологии и примыкавшего к ней изучения клинописи. За ним последовал Роберт Кер Портер, сделавший точные художественные репродукции части месопотамских развалин, а также план внутренней территории руин Вавилона. В 1828 г. Робер Миньян произвел беглые раскопки руин Вавилона, где Рич работал в 1811 г., он нанял 30 человек, расчистил площадку 12 квадратных футов на глубину 20 футов и первым нашел цилиндр, испещренный выбитыми на нем надписями. Наконец, в 30-х гг. XIX в. двое англичан, Дж. Бэйли Фрейзер и Вильям Ф. Айнсворт, посетили ряд городов в Южной Месопотамии, однако им и в голову не приходило, что эта территория была частью древнего Шумера.

Мы добрались до обширных и относительно систематических раскопок в Ираке, начатых в 1842 г. Полем Эмилем Ботта, французским консулом в Мосуле, и продолжающихся с некоторыми перерывами по сей день. Поначалу они велись в Северной Месопотамии, на территории, известной как Ассирия, и тысячи найденных там документов были написаны на аккадском языке. Однако в период раскопок об этом еще не знали; можно было сказать лишь то, что начертание походило на письмо третьего класса трехязычных надписей из Ирана, преимущественно из Персеполя и его окрестностей. В Персеполе все еще возвышались руины роскошного дворца с обилием высоких, хорошо сохранившихся прекрасных колонн, а также разбросанные тут и там различные скульптурные изображения. Город окружали великолепно украшенные гробницы, расположенные в скалах. Многие памятники Персеполя пестрели надписями, к концу XVIII в. признанными схожими с надписями на кирпичах из Вавилона. Более того, к середине XIX в. одна из трехязычных надписей была расшифрована и обеспечила перечень имен собственных, способствовавших дешифровке третьей группы писем, которые, в свою очередь, позволяли прочесть ассирийские таблички, найденные в Ираке. Однако, чтобы проследить ход расшифровки аккадского письма, нужно сначала иметь представление о расшифровке трехязычных надписей первого класса из Персеполя и характере полученной из них информации.

О руинах Персеполя в Европе узнали в XVI в., когда в 1543 г. в Венеции были опубликованы путевые заметки венецианского посла в Персии Джосифата Барбаросы, где он с восхищением говорил об увиденном. Надписи на памятниках впервые были упомянуты в вышедшей в Лиссабоне в 1611 г. книге Антонио де Гуэка, первого посла Испании и Португалии в Персии; он говорил, что надписи не похожи ни на персидское, ни на арабское, ни на армянское, ни на еврейское письмо. Его преемник дон Гарсиа Силва Фигуероа в книге, опубликованной в Антверпене в 1620 г., был первым, кто, пользуясь описанием Диодоруса Сикулуса, отождествил остатки Персеполя с дворцом Дария, правителя из династии Ахеменидов. Он также указывает, что письма на памятниках отличаются от халдейских, еврейских, арабских и греческих, что формой они напоминают вытянутый треугольник, схожий с пирамидой, и что все знаки одинаковы и отличаются только положением.

В письме, датированном 21 октября 1621 года, Пьетро делла Балле сообщает, что он обследовал руины Персеполя и даже скопировал (как оказалось, неверно) пять надписей; он также предположил, что читать их следует слева направо. В 1673 г. молодой французский художник Андре Долье Десланд напечатал первое точное гравюрное изображение дворца в Персеполе, скопировав только три надписи; он поместил их на гравюре таким образом, что они, казалось, выполняли исключительно декоративную функцию, – в соответствии с широко принятой в XVIII в. теорией. В 1677 г. англичанин сэр Томас Герберт, служивший около 50 лет до того британским послом в Персии, опубликовал довольно плохую копию того, что должно было быть отрывком, содержащим три строки, и что на деле оказалось сборной солянкой из

абсолютно разных текстов. Его характеристика письма, однако, не лишена исторического интереса: «Знаки странной и необычной формы – и не буквы, и не иероглифы. Мы так далеки от их понимания, что не способны даже составить четкое суждение о том, слова это или знаки. Все же я склоняюсь к первому варианту, полагая их полноценными словами, либо слогами, как в брахиологии или стенографии, привычно нами практикуемых».

В 1693 г. была опубликована сделанная Самюэлем Флауэром, агентом Ост-Индской компании, копия надписи из Персеполя, которая состояла из двух строк и двадцати знаков. Ее сочли подлинной, хотя на самом деле она содержала двадцать три отдельных знака из разных надписей, – ошибка, которая тем не менее не смутила и не поставила в тупик ни одного из тех, кто попытался расшифровать надпись. В 1700 г. письмо, наконец, обрело свое название – «клинопись», с тех пор навсегда прочно закрепившееся за ним. Это произошло благодаря Томасу Хайду, написавшему книгу по истории религии Древней Персии; в этой книге он воспроизвел текст Флауэра и описал его знаки, назвав характер письма «клинописью». К сожалению, он не верил, что знаки предназначались для передачи осмысленной речи, а полагал, что они являются только украшением и орнаментом.

Первый полный свод надписей Персеполя был опубликован только в 1711 г. Жаном Шарденом, натурализованным англичанином, посетившим Персеполь трижды за свою молодость. Три года спустя Карнель Лебрэн издал довольно точные копии трех трехязычных надписей. Однако только Карстен Нибур реально открыл путь к расшифровке персидских письмен. В 1778 г. он публикует выверенные, точные копии также трех трехязычных надписей из Персеполя; он указывает, что их следует читать слева направо, что каждая из трех надписей содержит три разных вида клинописи, обозначенные им как «класс I», «класс II» и «класс III» и, наконец, что класс I представляет собой алфавитную систему, т. к. содержит всего сорок два знака, в соответствии с его систематизацией. К сожалению, он придерживался мнения, что три класса письма не являлись тремя языками, а были разновидностями одного языка. В 1798 г. Фридрих Мюнтер, другой датчанин, сделал важнейшее наблюдение, что нибуровский класс I был алфавитной системой, классы же II и III были силлабическим и идеографическим соответственно, и что каждый класс представлял не только иную форму, но и иной язык.

Итак, теперь основа для расшифровки была налицо: точные копии ряда надписей, каждая из которых была одновременно самостоятельной формой и языком, к тому же первая была верно определена как алфавитная. Но сама расшифровка заняла добрые полвека и могла бы вовсе не состояться, если бы не двое ученых, которые невольно внесли большой вклад в этот процесс публикацией научных трудов, не имевших непосредственного отношения к клинописи Персеполя, и оказали тем самым неоценимую помощь дешифровщикам. Один из них, француз А.Г. Анкетий-Дюперрон, провел долгое время в Индии, собирая манускрипты Авесты, священной книги зороастрийцев, и обучаясь чтению и переводу ее языка – древнеперсидского. Его публикации на эту тему появились в 1768-м и 1771 гг. и дали расшифровщикам клинописи некоторое представление о древнеперсидском языке, оказавшееся бесценным для прочтения класса I трехязычных надписей, т. к. главенствующее положение текста давало полное основание полагать, что это древнеперсидский. Другой ученый, Сильвестр де Саси, в 1793 г. опубликовал перевод текстов Пахлави, найденных в окрестностях Персеполя, которые, хотя и датировались несколькими веками позже, чем клинописные тексты Персеполя, укладывались в более или менее четкую схему, которая, вероятно, могла также лежать в основе и более ранних памятников. Схема была такова: X, великий царь, царь царей, царь..., сын У, великого царя, царя царей...

Вернемся к расшифровке персепольских надписей. Первую серьезную попытку предпринял Олаф Герхард Тихсен, который, изучая письмо класса I, верно распознал четыре знака и признал один из них, наиболее часто встречающийся, словоразделителем, что позволило установить начало и конец каждого слова; помимо этих, он сделал еще несколько остроумных

наблюдений. Однако он ошибочно полагал, что надписи относятся к Парфянской династии, т. е. младше на полтысячи лет, чем их реальный возраст, поэтому его переводы оказались чистым домыслом и были в корне неверны.

Тихсен опубликовал свои результаты в 1798 г. В том же году Фридрих Мюнтер в Копенгагене представил в Датское королевское общество наук две работы с доказательством того, что документы Персеполя принадлежали династии Ахеменидов, – факт чрезвычайной важности для расшифровки письма. Однако сам Мюнтер не преуспел в попытках его прочтения. Это сделал учитель греческого языка гимназии в Геттингене, сумевший проделать то, что другим оказалось не под силу, и приобретший славу расшифровщика персидских клинописных надписей, т. е. первого из трех классов системы Нибура. Он начал с наиболее часто повторяющихся знаков и предположил, что это гласные. Он взял образец текста Пахлави из публикации Де Саси и с его помощью выявил места, где наиболее вероятным было появление имен царя, воздвигшего памятник, и его отца, а также слов «царь» и «сын». Далее он манипулировал известными именами царей из династии Ахеменидов, учитывая в первую очередь их длину и помещая в соответственные места; попутно он использовал подходящие слова из трудов Анкетий-Дюперрона по древнеперсидскому языку, пытаясь прочесть и другие слова текста. Таким образом ему удалось правильно распознать десять знаков и три имени собственных и предложить перевод, который, хотя и с большим числом ошибок, все же верно передавал идею содержания.

Выдержки из работы Гротефенда по дешифровке появились в печати в 1802 г., а тремя годами позже она вышла полностью. Работа получила высокую оценку Тихсена, Мюнтера и особенно Рича, продолжавшего присылать ему копии клинописных документов, найденных на развалинах Вавилона и Ниневии. Но Гротефенд преувеличил свои достижения, заявив, что распознал гораздо больше знаков, чем было на самом деле, и представив полные, но недостоверные транслитерации и переводы, способные возбудить в некоторых его коллегах только чувство недоумения. И все же он был на верном пути, что в течение последующих десятилетий напрямую и косвенно подтвердилось усилиями ряда ученых, вносивших в общий труд свои коррективы. А.Ж. Сен-Мартен, Расмус Раек, Эжен Бюрнуф и его ближайший друг и соратник Кристиан Лассен – вот только самые значительные имена. Но для полного понимания древнеперсидского языка и окончательной расшифровки всех знаков персепольские надписи были слишком коротки и не давали достаточного по объему и семантике словарного запаса для проверки и контроля. Это подводит нас к ключевой фигуре на раннем этапе изучения клинописи, блестящему, наделенному интуицией и проницательностью англичанину, имя которого Генри Кресвик Раулинсон, а также к замечательному факту, когда два человека независимо друг от друга расшифровали ряд документов, руководствуясь практически идентичными критериями.

Г.К. Раулинсон, состоявший на службе Британской армии в Персии, заинтересовался клинописными надписями, рассеянными по всей Персии. Он стал копировать некоторые из трехязычных образцов, особенно надписи на горе Альванд близ Хамадана и на Бехистунской скале примерно в двадцати милях от Керманшаха.

Первая представляла собой две короткие записи, скопированные им в 1835 г.; и, ничего не зная о работе Гротефенда, де Саси, Сен-Мартена, Раска, Бюрнуфа и Лассена, он сумел прочесть их, применяя тот же метод, что и Гротефенд и его последователи. Он, однако, понимал, что для того, чтобы распознать все знаки этих надписей и верно их прочесть, необходимо большее количество имен собственных. И он нашел их на Бехистунской скале, в надписи из многих сотен трехязычных строк, выбитых на специально подготовленной поверхности скалы площадью свыше 1200 квадратных футов, которая также частично была заполнена низким скульптурным рельефом. К несчастью, этот памятник был расположен на высоте более 300 футов над уровнем земли, и добраться туда не было никакой возможности. Поэтому Раулинсону пришлось соорудить специальную лестницу, и время от времени, желая получить как можно более полную копию, он болтался на веревках напротив скалы.

В 1835 г. он начал копировать персидские колонки из трехязычных бехистунских текстов; их было пять, и содержали они 414 строк. Работа продолжалась с некоторыми перерывами более года, вплоть до 1837 г., когда он скопировал уже около 200 строк, т. е. примерно половину, и с помощью классических авторов и средневековых географов сумел прочитать некоторые географические названия из нескольких сотен, содержащихся в надписи. К 1839 г. он познакомился с трудами своих европейских коллег и с помощью полученной дополнительной информации успешно перевел первые 200 строк древнеперсидской части бехистунского текста. Ему хотелось скопировать всю надпись с Бехистунской скалы до мелочей, но его обязанности военного прервали эти усилия, и вернуться к любимому занятию он смог уже только в 1844 г. В тот год он вернулся в Бехистун, полностью завершил копию 414 строк древнеперсидской надписи и скопировал все 263 строки второй, эламской, как это теперь известно, версии. В 1848 г. он отослал свою рукопись с копиями, транслитерацией, переводом, комментариями и примечаниями из Багдада в Королевское азиатское общество и таким образом подвел под расшифровку древнеперсидских текстов абсолютно достоверный фундамент. Этот факт еще раз подтвердился, когда в том же году блестящий ирландский лингвист Эдвард Хинкс опубликовал работу по материалам собственного доклада двухлетней давности, где он предвосхитил многие существенные наблюдения, самостоятельно сделанные Раулинсоном. С тех пор были внесены лишь незначительные изменения, дополнения и поправки, среди которых следует отметить вклад ученика Лассена, Юлиса Опперта, в 1851 г. Хинкс, Раулинсон и Опперт – «святая троица» науки о клинописи – не только подвели твердую основу под древнеперсидский язык, но и расчистили путь для расшифровки аккадского и шумерского языков, открыв, таким образом, пыльные страницы глиняных «книг», погребенных в обширных землях Ближнего Востока.

Обратимся же вновь к большим систематическим раскопкам в Месопотамии, приведшим к расшифровке аккадского и шумерского языков. В 1842 г. Поль Эмиль Ботта получает назначение в Мосул в качестве французского посла. Сразу по приезде он начал раскопки на двух холмах, Куянджик и Неби-Юнус, скрывающих остатки Ниневии. Это не дало результатов, и он переключил свое внимание на Хорсабад, немного севернее холма Куянджик, где, выражаясь языком археологов, напал на золотую жилу: руины Хорсабада скрывали дворец могущественного Саргона II, правившего Ассирией в первой четверти VIII в. до н. э. (хотя, конечно, тогда археологи еще не знали об этом); земля изобиловала ассирийской скульптурой, фризами, рельефами, многие из которых были покрыты клинописными текстами. Лишь три года спустя англичанин Остен Генри Лэйярд впервые занялся раскопками в Нимруде, затем в Ниневии и снова в Нимруде. Помимо царского дворца, покрытого низкими рельефами, он нашел в Ниневии библиотеку царя Ашшурбанипала, правнука Саргона II, состоящую из тысяч табличек и фрагментов с лексическими, религиозными и литературными трудами древних. Таким образом, к середине XIX в. Европа обладала сотнями клинописных текстов, в основном из Ассирии, вызывающих о прочтении, но и представляющих сложности и препятствия по тем временам непреодолимые. И все же, преимущественно благодаря гению и проницательности Хинкса, Раулинсона и Опперта, потребовалось не более десятилетия или около того, чтобы расшифровка стала достоверным фактом.

По правде сказать, у потенциальных расшифровщиков теперь было преимущество. Задолго до начала экспедиций Ботта и Лэйярда в Европу поступало ограниченное количество текстов того или иного характера, в основном с руин Вавилона, и письмо это причисляли к классу III, в соответствии с классификацией Нибура персепольских трехязычных памятников. К сожалению, этот класс III, вполне оправданно считавшийся переводом текстов класса I, требовал кропотливой работы по расшифровке.

Во-первых, персепольские надписи были чересчур краткими, чтобы позволить понять систему языка. Далее, даже поверхностный анализ наиболее протяженных вавилонских текстов, имевшихся на тот момент, делал очевидным тот факт, что они состоят из сотен и сотен

знаков, тогда как I класс трехязычных надписей содержал только 42, что делало невозможным проследить все имена и слова, казавшиеся идентичными. Наконец, в самом вавилонском списке одинаковые знаки сильно различались по очертаниям и формам. Поэтому неудивительно, что первые попытки расшифровать вавилонские письмена оказались бесплодны.

В 1847 г. был сделан заметный шаг вперед, причем, что вполне закономерно, Эдвардом Хинксом. При помощи копии сравнительно длинной древнеперсидской версии бехистунского списка, содержавшего солидное количество имен собственных, ему удалось прочесть ряд гласных, слогов и идеограмм, а также первое вавилонское слово, не являвшееся именем собственным, – местоимение а-на-ку – «я», практически идентичное иврите кому аналогу. Однако его основное открытие, оказавшееся поворотным в расшифровке, произошло только в 1850 г. и в некоторой степени опиралось на наблюдения Ботта, который, не ограничившись раскопками, опубликовал в 1848 г. чрезвычайно подробное исследование о клинописных знаках. Ботта не пытался прочесть ни слова, хотя и преуспел в понимании значения нескольких идеограмм. Его основной вклад касался вариантов. После тщательного изучения и детального документирования он показал, что существует немалое число слов, которые, несмотря на сходное звучание и значение, написаны по-разному. Это попутное наблюдение о наличии вариантов написания и проложило путь работе Хинкса 1850 г., в которой он одним махом сумел объяснить тот невероятный факт, что вавилонский список содержал сотни знаков, и обосновал существование такого огромного количества вариантов. Ассиро-вавилонский (или, как он теперь назывался, аккадский) текст, утверждал Хинкс, имел не алфавитную систему, а слоговую и идеографическую, т. е. знаки могли быть слогами (согласный плюс гласный, и наоборот, или согласный плюс гласный плюс согласный), объединенными различными способами в слова, либо один знак мог обозначать слово целиком.

Этот новый взгляд на вавилонское письмо значительно подстегнул расшифровку. И все же впереди были еще два важнейших лингвистических открытия, и оба они стали результатом усилий и изысканий другого нашего знакомого, Раулинсона. В 1847 г. он снова путешествовал из Багдада в Бехистун и с риском для жизни и конечностей перенес на бумагу вавилонскую версию, снабдившую его 112 строками, готовыми к расшифровке при помощи уже расшифрованного к тому моменту древнеперсидского текста. Более того, в процессе работы он обнаружил еще одну существенную черту вавилонского письма, «полифонию», когда один и тот же знак мог означать более одного звука или «единицы» (достоинства). В результате Раулинсон теперь сумел правильно прочесть около 150 знаков; он знал, как читаются и что означают почти 200 слов языка, который – теперь это стало совершенно очевидно – был семитским; он даже мог дать его примерную грамматическую схему.

Гениальные выводы Раулинсона были опубликованы в 1850–1851 гг. В 1853 г. Хинкс, опираясь на них, успешно пополнил список еще сотней с лишним новых значений вавилонского письма, и теперь стало возможным прочтение почти 350 единиц текста. Но принцип полифонии, привлеченный к расшифровке, вызывал сомнения, подозрения и протест в ученых кругах, нападки на переводы Хинкса – Раулинсона как предвзятые и никчемные. Было трудно поверить, что древние люди обладали системой письма, где один и тот же знак мог обладать многими значениями, т. к. это, предположительно, могло сбить с толку читателя настолько, чтобы задача казалась невыполнимой. В этот трагический момент Юлис Опперт, последний из триумvirата, пришел на помощь. В 1855 г. он дал общий обзор состояния дел по расшифровке на тот день, указал на правильность прочтений Хинкса – Раулинсона и добавил ряд новых знаков, имеющих более одного значения. Он первым дал тщательный анализ силлабария, подготовленного самими древними писцами на табличках, найденных при раскопках библиотеки Ашшурбанипала в Ниневии, и широко применил его при переводе.

Его многочисленные трактаты, редакция текстов и полемика помогли утвердиться новой науке, теперь общеизвестной под названием *ассириология* (на основании того факта, что наи-

более ранние раскопки велись в Северном Ираке, земле ассирийского народа), и внушить к ней глубокое уважение.

Судьбоносным, полным ярких событий 1857 г. стал для ассириологии. Все началось с выступления непрофессионального ассириолога, В.Ф. Фокса Тальбота – математика и изобретателя. Его исследования интегрированных расчетов легли в основу современной фотографии; но он был также любителем-ориенталистом. Он изучал публикации Раулинсона и Хинкса и даже опубликовал свои переводы некоторых ассирийских текстов. Достав где-то еще неопубликованную копию надписи времен ассирийского царя Тиглатпаласара I (1116–1076), он выполнил перевод и 17 марта 1857 г. в конверте с печатью отправил его в Королевское азиатское общество. Одновременно он предложил пригласить Хинкса и Раулинсона подготовить самостоятельные переводы того же текста и так же, в запечатанном виде, представить их Обществу, чтобы получить возможность сравнить три независимых перевода. Общество так и поступило, послав приглашение также Юлису Опперту, находившемуся в то время в Лондоне. Все трое приняли предложение, и два месяца спустя печати на четырех конвертах с переводами были взломаны специально назначенным комитетом в составе пяти членов Королевского азиатского общества. Был опубликован отчет, где помимо всего прочего говорилось, что переводы Раулинсона и Хинкса были наиболее схожи, перевод Тальбота был туманен и неточен и что перевод Опперта был значительно аннотирован и часто сильно отличался от версии его английских коллег. В целом вердикт был благоприятен для ассириологии; сходство четырех переводов было налицо, и надежность расшифровки подтвердилась.

Два года спустя, в 1859 г., Опперт опубликовал одну из наиболее важных научных работ «Расшифровка клинописных текстов». Это было настолько ясное, доступное и авторитетное свидетельство ассириологии и ее достижений, что все нападки прекратились. В течение следующих десятилетий целый ряд ученых, особенно во Франции, Англии и Германии, издавали статьи, монографии и книги по всем направлениям новой дисциплины: языку, истории, религии, культуре и пр. Тексты копировались и публиковались тысячами. Составлялись перечни знаков, глоссарии, словари и грамматические справочники, писались бесчисленные сугубо специальные статьи по грамматике, синтаксису и этимологии. Таким образом, изучение ассирийского языка, поначалу называемого вавилонским и теперь постепенно переименованного в аккадский – термин, происхождением обязанный самоназванию месопотамцев, – развивалось и зрело. Результатом явилось то, что теперь, в 1963 г., в процессе издания находятся два самостоятельных многотомных словаря: первый, на английском языке, издается Институтом востоковедения Чикагского университета, второй – на немецком, под международным патронажем. Это венец более чем столетних научных накоплений.

Вавилонский! Ассирийский! Аккадский! И ни слова о Шумере и шумерах, а ведь книга посвящена именно им. К сожалению, до середины прошлого века никто не знал о существовании шумеров и шумерского языка. И нам следует шаг за шагом проследить тот путь, который привел к довольно удивительному и неожиданному пониманию, что народ, именуемый шумерами, когда-то населял Месопотамию. В 1850 г. Хинкс сделал сообщение в Британской ассоциации развития науки, в котором выразил некоторые сомнения относительно общего предположения о том, что клинописную грамоту изобрели населявшие Ассирию и Вавилонию семиты, которые этой грамотой пользовались. В семитских языках устойчивым элементом являются согласные, а гласные чрезвычайно вариабильны. Поэтому представляется неестественным, что семиты изобрели силлабическую систему орфографии, где гласные и согласные равно устойчивы. Существенной особенностью семитских языков является разница между мягкими и твердыми палатальными и дентальными, клинописный же силлабарий отражает эту особенность неадекватно. Далее, если клинопись изобрели семиты, должна быть прямая взаимосвязь между значениями слоговых знаков и семитскими словами. Однако такие случаи крайне редки; было очевидно, что подавляющее количество слоговых значений клинописных знаков восхо-

дило к словам либо элементам, не имеющим семитского эквивалента. И Хинкс заподозрил, что клинописная система письма была изобретена каким-то несемитским народом, предшествовавшим семитам Вавилонии.

Впрочем, довольно о Хинксе и его подозрениях. Два года спустя, в 1852 г., из заметки, опубликованной Хинксом, мы узнаем о том, что Раулинсон, изучив силлабрии, раскопанные в Куюнджике, пришел к заключению об их двуязычии, так что семитские вавилонские слова в них поясняли соответствующие слова совершенно нового, неизвестного доселе языка. Этот язык он назвал аккадским и причислил его «к скифским или тюркским». Здесь мы впервые узнаем о возможности существования несемитского народа и несемитского языка в Месопотамии. В 1853 г. сам Раулинсон прочел лекцию в Королевском азиатском обществе, где утверждал наличие одноязычных клинописных текстов на кирпичках и табличках в некоторых местах Южной Вавилонии, написанных на «скифском» языке. Двумя годами позже на лекции в том же Обществе он описал в некоторых деталях двуязычные силлабрии Куюнджика, полагая, что это «были ни более, ни менее чем сравнительные алфавиты, грамматики и словари ассирийского и скифского наречий. Вавилонские скифы, чье этническое название – аккадцы, вероятно, и являются изобретателями клинописи». Именно эти аккадцы, продолжал Раулинсон, «построили примитивные храмы и столицы Вавилона, поклоняясь тем же богам и населяя те же края, что и их наследники-семиты; но у них, похоже, разная номенклатура, как мифологическая, так и географическая». Что до языка этих «вавилонских скифов», куюнджикские таблички, сказал Раулинсон, «дают тома сравнительных примеров и дословного перевода». Результатом его исследований этого «примитивного» языка по двуязычным текстам стало заключение, что «вряд ли существует прямая преемственность между этим примитивным языком и каким-либо из ныне существующих диалектов. Именная система несколько ближе к монгольскому и маньчжурскому типам, нежели к любой другой ветви семьи тюркских языков, но лексика их либо мало схожа, либо несхожа вовсе». Короче, Раулинсон абсолютно точно утверждал существование шумеров и их языка, хотя и называл их несколько ошибочно поначалу вавилонскими скифами, а потом аккадцами – термином, применяемым сегодня к семитам данной территории.

Правильным названием несемитского народа, изобретшего клинопись, мы обязаны гению Юлиса Опперта, чей вклад во все аспекты ассириологии, особенно в изучение силлабриев, было выдающимся.

17 января 1869 г. Опперт прочитал лекцию на этнографической и исторической секции Французского общества нумизматики и археологии, в которой объявил, что этот народ и его язык следует называть шумерами, основывая свои выводы на заголовке «Царь Шумера и Аккада», найденном в надписях времен ранних правителей; ибо, вполне справедливо утверждал он, названием Аккад именовался семитский народ Ассирии и Вавилонии, следовательно, название Шумер относится к несемитскому населению. Опперт даже пошел дальше в своих утверждениях на лекции: анализ структуры шумерского языка привел его к выводу о его близком родстве с турецким, финским и венгерским языками, – блистательное проникновение в структуру языка, который еще двадцать лет назад не существовал для научного мира.

Название «шумерский» не сразу было воспринято большинством ученых, занимавшихся клинописью, и термин «аккадский» был в употреблении на протяжении еще нескольких десятилетий. На самом деле был один известный ориенталист, Жозеф Галеви, который, вопреки всей очевидности обратного, отрицал самое существование шумерского народа и языка. Начиная с 1870-х гг. и в течение более трех десятилетий он публиковал статью за статьей, настаивая на том, что ни один народ, кроме семитов, никогда не владел Вавилоном и что так называемый шумерский язык был всего лишь искусственным изобретением самих семитов, предназначенным для иератических и эзотерических целей. Очень недолгий период его даже поддерживали несколько маститых ассириологов. Но все это сейчас не более чем историческая подробность, потому что вскоре после дальновидных заключений Опперта относительно несемитского про-

исхождения народа Вавилона и его языка начались раскопки в двух точках Южной Вавилонии. Эти раскопки и утвердили шумеров на карте: статуи и стелы рассказали об их физическом облике, а бесчисленные таблички и надписи – об их политической истории, религии, экономике и литературе.

Первые масштабные раскопки поселения шумеров было начаты в 1877 г. в местности Телло, на руинах древнего Лагаша, французами под руководством Эрнеста де Сарзека. В период между 1877-м и 1900 гг. де Сарзек провел одиннадцать кампаний и успешно извлек множество статуй, в основном Гудеа, стел, из которых наиболее значительны цилиндры Гудеа и тысячи табличек, многие из которых восходят к династии Ур-Нанш. В 1884 г. была начата публикация огромного тома «Открытия в Халдее Эрнеста де Сарзека» Леона Хьюзи в сотрудничестве с выдающимися эпиграфистами Артуром Амьо и Франсуа Туро-Данженом. Французы периодически возобновляли раскопки в Лагаше: с 1903-го по 1909 г. под руководством Гастона Кро; с 1929-го по 1931 г. – под руководством Генри де Женуйяка и с 1931-го по 1933 г. – Андре Парро. Всего французы провели в Лагаше 20 полевых кампаний. Итоги кратко суммированы в наиболее ценном справочнике Андре Парро «Телло» (1948), где также дана полная подробная библиография всех публикаций, так или иначе имеющих отношение к этим раскопкам.

Вторые крупные раскопки шумерского поселения проводились Пенсильванским университетом. Это была первая американская экспедиция такого рода в Месопотамии. На протяжении 80-х гг. XIX в. в американских университетских кругах велись дискуссии о целесообразности американской экспедиции в Ирак, где британцы и французы делали столь невероятные открытия. И только в 1887 г. Джону П. Петерсу, профессору иврита Пенсильванского университета, удалось добиться моральной и финансовой поддержки университетских и околоуниверситетских лиц с целью снабжения и поддержки археологической экспедиции в Ирак. Выбор пал на Ниппур, один из самых больших и важных холмов Ирака, где и состоялись четыре долгие и изнурительные кампании в период с 1889-го по 1900 г. – первая под руководством Петерса, затем Дж. Хейнса (поначалу фотографа экспедиции) и, наконец, под началом известного ассириолога Х.В. Хилпрехта, бывшего эпиграфиста в первой поездке.

Трудности и неудачи преследовали экспедицию. Один молодой археолог погиб в поле, и не было года, когда тот или иной член группы не перенес бы тяжелую болезнь. Тем не менее, несмотря на препятствия, раскопки продолжались, и экспедиция достигла огромных, в некотором роде даже уникальных результатов. Главные достижения сосредоточились в сфере письменности. В ходе работы ниппурская экспедиция нашла около тридцати тысяч табличек и фрагментов, большая часть которых написана на шумерском языке и возраст которых исчисляется более чем двумя тысячами лет, начиная со второй половины 3-го до последнего века 1-го тысячелетия до н. э. Публикации некоторых материалов начались уже в 1893 г. в соответствии с перспективным и долгосрочным планом Хилпрехта, где помимо него самого предполагалось участие многих ученых. Не все запланированные тома увидели свет; как случается со многими грандиозными проектами, возникли непредвиденные обстоятельства и сложности, помешавшие его полному осуществлению. Но внушительное количество томов все же появилось, и эти публикации оказали неоценимую помощь исследователям клинописи. Это возвращает нас к разговору о шумерологии и ее развитии в период, последовавший за открытиями трех ее пионеров: Хинкса, Раулинсона и Опперта.

До раскопок в Лагаше и Ниппуре практически весь исходный материал для изучения шумеров и их языка состоял из двуязычных силлабариев и подстрочников, найденных в библиотеке Ашшурбанипала на руинах Ниневии, и затем опубликованных в различных разделах пяти увесистых томов, озаглавленных «Клинописные надписи Западной Азии» под редакцией Раулинсона. Но этот материал датируется VII в. до н. э., спустя более чем тысячелетие после исчезновения шумерского народа как политического единства и шумерского языка как языка живого. Конечно, были образцы письменности с места раскопок шумерских поселе-

ний, доступные в Европе, но они представляли собой в основном серию кирпичей, табличек и цилиндров шумерского и постшумерского периодов, попавших в Британский музей и малосодержательных. Раскопки в Лагаше и Ниппуре предоставили в распоряжение ученых тысячи непосредственно шумерских надписей, которые теперь можно было попытаться перевести и интерпретировать с помощью весьма приблизительных грамматических правил и лексических данных, добытых на материале куюнджикских двуязычных силлабариев и подстрочников. Подавляющее большинство надписей из Лагаша и Ниппура носило административный, экономический и правовой характер, с описями всех видов и размеров, письменные обязательства (расписки) и рецепты, акты продаж, брачные контракты, завещания и судебные решения. И по этим документам можно было составить некоторое представление о социальной и экономической системе шумерского общества. Эти документы также содержали сотни имен людей, божеств и мест, представлявших определенную ценность для изучения религии шумеров. Еще более ценными стали сотни текстов клятв на статуях, стелах, конусах и табличках, которые были принципиально важны для изучения шумерской политической истории. Многие лексические и грамматические, особенно найденные в Ниппуре, тексты – предшественники более поздних двуязычных надписей из Куюнджика – стали бесценным материалом для изучения шумерского языка. Наконец, в Ниппуре были найдены тысячи табличек и фрагментов с шумерскими литературными текстами; и хотя они оставались малопонятными в течение многих десятилетий после их обнаружения, Хилпрехт, ознакомившись и зарегистрировав большое их количество, осознал их значение для истории религии и литературы. Не будет преувеличением утверждать, что прямым следствием раскопок в Лагаше и Ниппуре стала возможность публикации в 1905 г. эпохального труда Франсуа Туро-Данжена («Письменные памятники Шумера и Аккада») и Арно Пёбеля («Основы шумерской грамматики») в 1923 г.

Конечно, оба эти труда ученые построили на усилиях и вкладах своих предшественников и современников; в науке не существует иного пути для развития продуктивной научной деятельности. Назовем лишь нескольких наиболее выдающихся личностей. Это англичанин А.Х. Сэйс, издавший в 1871 г. первый моновязычный шумерский документ, а именно надпись Шульги, содержащую двенадцать строк, а также указавший в подробном филологическом комментарии на несколько важных особенностей шумерского языка. Это и Франсуа Ленорман с его монументальными «Аккадскими исследованиями (очерками)», начатыми в 1873 г. Это и Пауль Хаупт, который скопировал множество шумерских двуязычных и моновязычных надписей в Британском музее и внес существенный вклад в изучение шумерской грамматики и лексикографии. Далее, Р.Е. Бруннов: он составил перечень шумерских знаков и их прочтений и на материале доступных в то время двуязычных табличек создал наиболее полный словарь шумерских слов, имеющий принципиальную важность для всех лексикографов с момента опубликования в 1905 гг. до наших дней, хотя он и дополнен рядом глоссариев, подготовленных другими учеными, чтобы идти в ногу со временем. Это Ж.Д. Принс, опубликовавший первый существенный шумерский лексикон в 1905 г.; и Фридрих Делитцш, составивший шумерскую грамматику и шумерский глоссарий, основанный скорее на корнях слов, нежели на отдельных знаках и правилах их чтения.

Но именно «Письменные памятники Шумера и Аккада» Туро-Данжена 1905 г. издания и появившийся уже через два года перевод на немецкий язык под названием «Die sumerischen und akkadischen Königsinschriften» («Надписи шумерских и аккадских царей») оказались поворотным пунктом в развитии науки о шумерах. Это блистательный компендиум прямых переводов и лаконичных примечаний, мастерский дистиллят накопленных шумерологией знаний на тот момент времени, полностью лишенный личного, оригинального вклада Туро-Данжена; и даже спустя пять десятилетий изучения клинописи этот труд остается непревзойденным и, вероятно, таковым останется. «Основы шумерской грамматики» Пёбеля стали для шумерской грамматики тем же, чем была книга Туро-Данжена для политической истории и религии. Осно-

ванная на кропотливом, тщательном, всеохватном и дотошном изучении шумерских текстов, как двуязычных, так и моноязычных, всех периодов «классического» языка 3-го тысячелетия до н. э. вплоть до позднего «литературного» шумерского языка 1-го тысячелетия до н. э. (переводы надписей с 1-го по 35-е приложений в основном опираются на эти исследования), «Грамматика» Пёбеля отличается твердой логикой в выявлении фундаментальных принципов и правил шумерской грамматики, иллюстрируя их по существу и, по возможности, наиболее полно. Результатом самостоятельных исследований Пёбеля, а также других ученых, особенно Адама Фалькенштейна и Торкилда Якобсена, стал ряд дополнений и уточнений, и предстоящие исследования в свое время, несомненно, выльются в модификации некоторых положений «Грамматики». Но в целом труд Пёбеля выдержал испытание временем и, несмотря на постоянную страсть к не всегда оправданным изменениям в терминологии и номенклатуре, надолго останется краеугольным камнем всех конструктивных усилий в области шумерской грамматики.

Грамматика Пёбеля, однако, написана с позиций логики, а не педагогики, поэтому ею не могут воспользоваться новички, которым хотелось бы самостоятельно изучать шумерский язык. Небольшая книга, вполне пригодная для этой цели, – «Книга для чтения на шумерском языке» С.Дж. Гэдда; однако она была впервые опубликована в 1924 г. и настоятельно требует современной редакции. Другая полезная с педагогической точки зрения грамматика – это «Шумерская грамматика» Антона Даймеля, переизданная в 1939 г., хотя она и сильно страдает искусственным подходом к проблемам перевода шумерских текстов. В сфере лексикографии «Шумерский лексикон» того же автора, основанный преимущественно на компиляции работ Бруннова и других авторов, незаменим для студентов, хотя пользоваться им следует весьма критически и разборчиво. Наиболее перспективные фундаментальные труды по лексикографии, которые сейчас находятся в процессе подготовки, – это «Материалы по шумерскому лексикону: словарь и справочные таблицы» Бенно Ландсбергера, главы ассириологов. Восемь томов, включающих самые современные подборки последних силлабариев, словарей и лексических двуязычных справочников, а также их шумерские первоисточники, уже появились под патронажем Папского библейского института в Риме, учреждения, которому исследователи клинописи очень признательны за опеку исследований в области шумерологии в течение последних пятидесяти лет.

Оставим шумерские лингвистические изыскания и обратимся вновь к археологии, чтобы коротко суммировать итоги некоторых наиболее важных раскопок на шумерских поселениях, так благоприятно начавшихся Лагашем и Ниппуром. В 1902–1903 гг. немецкая экспедиция под руководством Роберта Кольдевея работала в Фара, древнем Шуруппаке, на родине героя легенды о потопе – Зиусудры, и обнаружила большое количество административных, экономических и лексических текстов, относящихся к XXV в. до н. э.; таким образом, они старше, чем надписи династии Ур-Нанш, найденные в Лагаше. Экономические тексты включали продажу домов и угодий, что указывало на существование частной собственности в Шумере, особенность жизни шумеров, долгое время остававшаяся предметом раздоров в среде ориенталистов. Лексические тексты из Фара также обладали особой ценностью для истории цивилизации, т. к. они указывали на существование шумерских школ уже в XXV в. до н. э., а возможно, и ранее. Археологи также обнаружили ряд частных и общественных построек, гробницы, огромное число ваз из камня, металла и терракоты и множество цилиндрических печатей. В 1930 г. экспедиция Пенсильванского университета под руководством Эрика Шмидта вернулась в Фара, но новые находки не отличались от тех, что появились 30 лет назад. Мне, тогда молодому и неопытному, посчастливилось быть в этой экспедиции эпиграфистом. Тексты многих табличек из Фара изучали и публиковали Антон Даймель и французский шумеролог Р. Жестен.

В 1903 г. экспедиция Чикагского университета под руководством Е.Дж. Бэнкса проводила раскопки в Бисмае, на месте столицы Лугалланнемунду под названием Адаб. Здесь тоже

было найдено большое число древних табличек, схожих с найденными в Фара по форме и содержанию. Бэнкс также раскопал остатки нескольких храмов и дворцов, многочисленные письменные обеты и статую под названием Лугальдалу, относящуюся примерно к 2400 г. до н. э. Главной публикацией с результатами этой экспедиции стал том Института востоковедения, содержащий тексты, скопированные Д.Д. Лакенбиллом, представляющие особую ценность для истории Шумера эпохи Саргона и досаргоновского периода.

С 1912-го до 1914 г. французская экспедиция под руководством выдающегося ученого в области клинописи Анри де Желюля проводила раскопки в Кише, городе, которому первому после потопа было даровано царство. Первая мировая война положила конец этим работам, но в 1923 г. англо-американская экспедиция, возглавленная еще одним известным специалистом по клинописи Стивеном Лэнгдоном, вернулась в Киш и проработала там десять сезонов подряд. Археологи вскрыли несколько монументальных зданий, зиккуратов, кладбищ и нашли много табличек. Целый ряд публикаций был издан Полевым музеем по археологическим материалам и Оксфордским университетом по материалам эпиграфическим. Небольшой контингент экспедиции Киша также провел быстрые работы в находившемся поблизости местечке Йемдет-Наср, на холме, скрывавшем руины города, чье древнее название до сих пор неизвестно. В ходе этих довольно незначительных раскопок на небольшом участке археологам посчастливилось обнаружить несколько сотен табличек и фрагментов со знаками полупиктографического характера. Таблички датировались примерно 2800 г. до н. э. и, таким образом, оказались самыми ранними из найденных к тому времени шумерских письмен, представленных в достаточном объеме. Эти таблички, скопированные и опубликованные Стивеном Лэнгдоном, стали поворотным пунктом в шумерских эпиграфических исследованиях.

Мы подошли к месту, называемому Варка современными арабами и Урук древними шумерами и аккадцами. Это библейский Эрех, и сегодня здесь ведутся наиболее систематические и научные раскопки, которые по праву можно назвать фундаментальными для, так сказать, «стратиграфических» исследований истории и культуры Шумера.

Систематические раскопки были впервые начаты здесь немецкой экспедицией под руководством Юлиуса Йордана. После неизбежного перерыва, вызванного Первой мировой войной, экспедиция вернулась туда в 1928 г. и продолжала работу вплоть до Второй мировой войны. В течение этого периода в штате экспедиции состояли многие выдающиеся эпиграфисты, в их числе Адам Фалькенштейн, плодовитый и видный ученый в области шумерологии за последние тридцать лет. Именно иерихонская экспедиция создала что-то вроде сравнительного датирования всех шумерских находок, выкопав яму глубиной примерно 20 метров на определенном участке, опустившись до девственных почв и тщательно изучив и рассортировав находки многочисленных слоев и периодов, начиная с самых ранних поселений и завершая серединой 3-го тысячелетия до н. э. Были обнажены древнейшие шумерские монументальные постройки, датированные примерно 3000 г. до н. э. Среди многочисленных менее крупных находок – украшенная культовыми сценами алебастровая ваза почти метровой высоты, очень характерная для ранних шумерских обрядов и ритуала; также была найдена мраморная женская голова в натуральную величину, относящаяся примерно к 2800 г. до н. э., – свидетельство того, что ранняя шумерская скульптура в целом достигла небывалых творческих высот. В одной из ранних храмовых построек были обнаружены более тысячи пиктографических табличек, давших возможность проследить клинописную систему письма в глубь веков, вплоть до самых ранних ее стадий. Многие из этих табличек были опубликованы в роскошном томе, подготовленном с великой тщательностью Адамом Фалькенштейном после подробного исследования. В 1954 г. немецкая экспедиция вернулась в Эрех и продолжила вести тщательные и методичные раскопки, которые, несомненно, принесут Эреху – городу великих шумерских героев – славу краеугольного камня месопотамской археологии во всех ее аспектах: архитектуре, искусстве, истории, религии и эпиграфии.

Из библейского Эреха мы переместимся в библейский Ур, или Урим, как его называли сами шумеры, город, в котором раскопки велись с 1922-го по 1934 г. с мастерством, аккуратностью и фантазией сэра Леонарда Вулли. Вулли не раз возвращался к описанию своего открытия в Уре, и для профессионалов, и для дилетантов-любителей, но мы упомянем здесь только его последнюю работу 1954 г., «Раскопки в Уре». Благодаря ему слова «гробницы», «зиккураты» и «потоп» становятся почти бытовыми. Менее известен, но не менее значителен научный вклад эпиграфистов экспедиции, Гэдда, Леона Легрэна, Э. Барроуса, копировавших, изучавших и публиковавших основной корпус письменных документов, найденных в Уре, документов, проливших новый свет на историю, экономику, культуру не только Ура, но и Шумера в целом.

Рядом с Уром, всего в четырех милях к северу, расположен отлогий холм, известный как Эль-Обейд, который, несмотря на размер, сыграл значительную роль в месопотамской археологии. Впервые исследованный Х.Р. Холлом, сотрудником Британского музея, в 1919 г., а позже методично вскрываемый Леонардом Вулли, он, как выяснилось, был частью доисторического холма, содержащего свидетельство присутствия первых иммигрантов в этих краях. Эти люди, получившие условное название обейды (от названия холма Эль-Обейд), производили и использовали особые монохромно окрашенные предметы и изделия из кремня и обсидиана, которые позже были обнаружены в самых глубинных слоях нескольких раскопок Месопотамии. Вулли также открыл здесь небольшой храм богини Нинхурсаг, который в дополнение к наглядному представлению о том, каким был небольшой провинциальный храм в середине 3-го тысячелетия, безоговорочно доказал, что так называемая Первая династия Ура, воспринимаемая большинством ученых как легендарная, реально существовала; это открытие, таким образом, помогло переосмыслить практически повальный скептицизм в отношении важнейшего Царского списка, давшего, в свою очередь, более четкое представление о шумерской политической истории.

В крайней северо-восточной точке Шумера, к востоку от Тигра и на некотором расстоянии от проторенных троп, по меркам шумерологии, лежат несколько холмов, привлекавших внимание Генри Франкфорта, одного из известнейших в мире археологов, вдумчивого историка искусства и философски ориентированного ученого, чья безвременная смерть была невосполнимой потерей для востоковедения. Между 1930-м и 1936 гг. он провел тщательные, методичные раскопки холмов Асмар, Хафая и Аграб и раскопал храмы, дворцы и частные дома, таблички, цилиндрические печати и наиболее впечатляющую серию скульптур, некоторые из которых относились к 2700 г. до н. э. – всего примерно на век младше знаменитой головы из Эреха. Среди сотрудников Франкфорта были Пиньяс Делугас, археолог с большим опытом, ныне директор музея при Институте востоковедения; Сетон Ллойд, ставший советником Иракского управления по древностям и принимавший участие в раскопках самого большого количества шумерских поселений по сравнению с любым другим здравствующим археологом; Торкилд Якобсен, ученый редкого дарования, равно сведущий в археологии и эпиграфии. Результаты этих раскопок периодически появляются в серии прекрасных публикаций Института востоковедения, которые замечательны своими подробными и превосходно иллюстрированными материалами по архитектуре, искусству и письменности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.